

А.А. НОСКОВ

*Магистрант Института философии
Санкт-Петербургский государственный университет*

ИСТИНА ИСТИНЫ В НАСТОЯЩЕЙ ФИЛОСОФИИ

В статье рассматривается давний вопрос об истине с герменевтической позиции через обращение к историческому горизонту, обретение авторской позиции и применению полученных результатов в настоящей философии. Непримируемость крайних позиций в понимании истины не снимает проблемы в релятивизме. Ясная артикуляция очевидных проблем должна позволить осознанно подходить к исследованиям в сфере гуманитарных наук и философии.

Ключевые слова: истина, ложь, герменевтика, эпистемология, корень достаточного основания.

А.А. NOSKOV

*M.A. student of Institute of Philosophy
Saint-Petersburg State University*

THE TRUTH OF VERITY IN ACTUAL PHILOSOPHY

The article deals with the long-standing question of truth from the hermeneutic position through an appeal to the historical horizon, the acquisition of the author's position and the application of the results obtained in the present philosophy. The irreconcilability of extreme positions in the understanding of truth does not remove the problem in relativism. Clear articulation of obvious problems should allow consciously approaching research in the humanities and philosophy.

Keywords: truth, lie, hermeneutics, epistemology, root of sufficient base.

В мире высокой серьезности плуты, жулики, лицемеры всегда чувствуют себя гораздо уютней шпильбрехеров: отступников, еретиков, вольнодумцев, узников совести.

Йохан Хейзинга. Homo Ludens

Множество мыслителей искали подходящее решение, оставив после себя множество исписанной бумаги, сломав множество копий и, тем не менее, остается непроясненным вопрос об истине в онтологии, эпистемо-

логии и антропологии на двух полюсах природы и свободы¹: истина или присуща миру, или обретаема лишь человеком. Внимание к этой теме обнаруживает познание как объект исследования, а предметом выступает понятие истины в настоящей философии. Причем адекватным предмету методом здесь становится философская герменевтика Х.-Г. Гадамера, основанная на *понимании, истолковании и применении*; где первый момент заключается в соотношении традиции или *предмнения* и авторской позиции обретенной в настоящем с тотальным историческим горизонтом; второй момент основывается на филологическом и историческом подходах к толкованию – конституирующие автономию текста и подчиненность его внешнему – соответственно; третий же обеспечивает аппликацию уже в минимальном значении самого процесса чтения (см. подробнее о предлагаемом герменевтическом методе здесь [2; С. 329–403]). Таким образом здесь реализуется попытка обретения искомой истины *истины* согласно исторической ретроспективе и взгляду из настоящего, а целями являются – взгляд в прошлое философии, артикуляция своей *авторской* точки зрения в современном моменте и посредством соотношения последних – раскрытие несокрытого – по указанию М. Хайдеггера в статье «О сущности истины». Также предварительно стоит отметить, что непродуктивным выглядит любое утверждение об отсутствии всякой истины уже потому, что эта позиция претендует на истинность и представляет лишь парадоксальный тупик для всякой мысли².

Можно в так называемой эпохе *классической рациональности*³ выделить две магистральные линии понимания истины. Первая линия определяется *корреспондентной истиной*, где последняя выступает как нечто трансцендентное, а вторая линия – как *когерентная истина*, понимаемая как нечто имманентное. Если трансцендентная истина обнаруживает себя как широкий проспект философии от трудов Платона, Аквината, Гегеля и вплоть до текстов современности, вымощенный логической онтологией строгого соответствия истине и вещей [7; С. 208], а также трактуемая как

¹Для субъективной познавательной целостности можно воспользоваться указанным и до сих пор непреодоленным кантовским различием вкупе с предложенными в «Манифесте философии» А. Бадью узловыми понятиями – бытием, истиной и субъектом, фундирующие до сих пор незавершенный проект Нового времени.

²На эту авторрекурсивную безвыходность в «Метафизике» указывает еще Аристотель: «Кто утверждает, что все ложно, делает и это свое утверждение ложным» (1012b15).

³Подробнее об отличиях эпох рациональностей – в работе М.К. Мамардашвили «Классические и неклассические идеалы рациональности». Следует также отметить, что классическая ньютоновская, неклассическая релятивистская и постнеклассическая ценностная рациональности вполне согласуются с трихотомией указанных А. Бадью фундаментальных философских понятий бытия, истины и субъекта.

историчность-становление или поступательное развитие к намеченной цели [2; С. 399–400]. Напротив, имманентная истина отличается «филологичностью», сфокусированностью на язык. Подобный взгляд на действительность стремится увидеть завершенное в себе бытие [2; С. 399–400] и провозгласить адекватное соответствие проговоренной истины и вещей данных в опыте [7; С. 207]. Таким образом, в самом общем смысле когорте метафизиков противостоят позитиветская мысль в разных исторических новообразованиях вплоть до постнеопозитивизма вместе с аналитическими философами, фокусирующими свое внимание на языке и языковых играх. Так, современный философ М. Ямпольского в статье «Филологизация: проект радикальное филологии» предлагает наконец освободить филологию от философии как наслоения метафизического хлама для осуществления гносеологических прорывов феноменологического толка.

Можно полагать, что в современности или в период неклассической и постнеклассической рациональности, где происходит стирание границы между субъективистским суждением и разработанным классической философией понятием, в снятой форме наличествует некая экуменическая позиция в попытке онтологизации определенной логической формы предложений вообще, таким образом здесь обнаруживается спутанный диалектикой клубок трансцендентного и имманентного [7; С. 206]. В этом смысле показателем случая последнего фундаментального философа М. Хайдеггера и предложенная им в указанной ранее статье *иерархия истины трансцендентного*, того безошибочного, витающего над человеческим блужданием-заблуждением и обрекающего человека на свободу [10; С. 23–25]. И здесь известное хайдеггеровское «сокрытие сокрытого», пользуясь филологическим подходом, вероятно, в своем пределе обращается, и, тем самым, ничем не отличается от *раскрытия раскрытого*. А по своей сути являться секретом Полишинеля и только запутывает предложенный лабиринт между истиной и свободным изначально человеком. Иначе говоря, «сокрытие сокрытого» – есть ни что иное, как *чистая открытость*. И потому указанную выше попытку немецкого философа увязать и прояснить «высокую» истину и «низкое» не-заблуждение вряд ли можно считать вполне успешной. Такая рискованная попытка согласовать и герметизировать корреспондентную и когерентную истины приводит в предельном случае к чистой истине без лжи, вышней свободе без выбора и одностороннему разрешению картезианского парадокса несомненности сомнения. Если философия так или иначе разрешает в себе и для себя указанные сингулярные казусы, то с ложью не все так просто. Например, А.К. Секацкий в известном исследовании «Онтология

лжи», вторя «Метафизике» Аристотеля, утверждает, что любая возможность познания истины неосуществима без границы ложного, без опоры на не-истину, так как «ложь не то чтобы вплетена в ткань слишком человеческого – она и есть эта ткань, материя практического разума». [9; С. 33]. Помимо прочего в противовес классическому философскому мизантропизму истины, следует указать на знаменитые изыскания математика и логика Курта Гёделя, имеющие огромное значение для эпистемологии, в представленных им теоремах о неполноте непротиворечивых формально-логических систем. Эти теоремы ясно и недвусмысленно запрещают герметизировать любые непротиворечивые системы, они не могут быть полны с формально-логических позиций. Последним событием четко фиксируется крах автономности и целостности рационально-философских систем. И с этого начинается история безосновности конвенционализма постнеклассической рациональности, где можно указать ряд исторических примеров.

В рамках аналитической философии обретается *семантическая концепция истины* А. Тарского значения слов в отношении к референтным объектам, не выходящая за пропозиционные рамки и подробно рассмотрена в известной статье «Семантическая концепция истины и основания семантики». Можно также привести в пример *лингвистическую концепцию истины* и принцип фальсификации К. Поппера, утверждающая также в рамках понятия когерентности претензию на истину лишь тех гипотез, что могут быть в принципе опровергнуты. Известны также *прагматистская концепция истины* Ч.С. Пирса, где последняя «означает просто способ достижения тех или иных целей» [8; С. 155] и логическая реконструкция Д. Дьюи, объявляющая кантовский разум все более бесполезным, а истину по-бэконовски можно добывать лишь логически упорядочивая добытый хаос опыта с опорой на *common sense* [6; С. 37–104]. Однако уже в *творчестве концептов* как события мыслителей в работе «Что такое философия?» Ж. Делеза и Ф. Гваттари можно обнаружить явный протест против всяческой онтологизации пропозиций, где тем не менее утверждается относительность в «плане имманенции» обнаружения истины в ту или иную эпоху: «Из фраз или их эквивалента философия добывает концепты (не совпадающие с общими или абстрактными идеями), тогда как наука – проспекты (пропозиции, не совпадающие с суждениями), а искусство – перцепты и аффекты (также не совпадающие с восприятиями или чувствами).» [5; С. 31]. Авторы выделяют три эпохальных типа философствования, согласно своему пониманию: «Три типа Универсалий – созерцание, рефлексия, коммуникация – это как бы три века философии, Эйдетика, Критика и Феноменология, неотделимые от истории одной долгой иллюзии» [5; С. 57]. И более того, понятие истины

далее вообще элиминируется: «Философия состоит не в знании и вдохновляется не истиной, а такими категориями, как Интересное, Примечательное или Значительное, которыми и определяется удача или неудача» [5; С. 96]. Что это если не тотальный пессимизм относительно понятия истины? Тем не менее отчаяние, как думается, неуместно в философской игре ума, ведь согласно процитированному в эпиграфе исследованию Й. Хейзинги: «Играть надо честно» [11; С. 30].

Очевидно, что борьба двух философских фронтов, с одной стороны, сметает метафизические наслоения, отказывается от истины, как чего-то данного, с другой – с новой силой утверждает силу разума, фундированного истиной в актуальных метафизических изысканиях. Но, конечно, стоит отметить, что есть и те, кто не считает вопрос о сущности истины чем-то значимым или уже давно решенным. Однако вряд ли вопрос об истине можно считать снятым и сейчас.

Рассмотренное выше принципиальное делению на два лагеря может быть рассмотрено в ином ракурсе в онтологии, гносеологии и антропологии с опорой на виды причин и начал, выделенные еще Аристотелем в «Метафизике» и подробно рассмотренные как четвероякий корень достаточного основания А. Шопенгауэром, с куда большей продуктивностью и эвресичностью. Таким образом можно различить следующие моменты в понятии: истина может выступать как 1) сущность или начало оформленности (*essentia, causa formales*). Так, по мысли Аристотеля – истина – есть речь «о сути бытия вещи» (1038b5), причем «ложное и истинное не находятся в вещах <...>, а имеются в мысли» (1027b25). Известно, что в средневековой философии провозглашается божественная истина откровения и, невзирая на античный парадокс несочетаемости всеисилия и всеведения, первая здесь имеет божественную мощь и силу над тварным миром. Сходная позиция у Картезия: «Понимание того, что есть вещь, что – истина, а что – мышление, исходит, по-видимому, исключительно от самой моей природы» [4; С. 31]. У Г.В.Ф. Гегеля, который выбирает основную оппозицию субстанция–субъект, как основу своей философской системы и утверждает истину вне ее, как нечто эссенциальное и само собой данное, к чему и стремится самопознающий Абсолютный дух.

Истина может определяться как 2) необходимое допущение для реализации возможности познания или как субстанция, подлежащее (*causa materiales, substantia*). Прежде всего в критическом отношении И. Канта к нашим возможностям познавать мир. Герменевтический принцип и кантовский идеал чистого разума имеют прямое родство в требовании априорной идеи целостности при рассмотрении предмета в понятии. А такое понятие позволяющее выходить за пределы нашего опыта определяет

предмет как субстанцию, если же понятие о предмете целостно, тогда последнему приписывают сущность. Субстантивный момент истины сказывается в феноменологии Э. Гуссерля, где объективный (объектный) мир оставляется за скобками мыслящего субъекта, а убежденный математик обосновывается между односторонним декартовским несомненным сомнением (Я) и аффицированностью явлениями опыта. Такой небольшой просвет солипсического сознания мыслитель и именуется феноменологией, обнаруживая объекты для исследования в этом трансцендентальном эскапизме или методом трансцендентального *εποχή* [3; С. 34]. Подлежащим выступает здесь обозначенный метод феноменологической редукции или как чистая предельная истина, необходимая для достижения целей познания. Подобная ситуация обнаруживается в изысканиях В. Беньямина, для которого: «Любой настоящий опыт основан на чистом познавательном-теоретическом (трансцендентальном) сознании» [1; С. 37], где подлежащая такому сознанию истина определяет возможность всякого опыта. Важен данный аспект и в философии М. Хайдеггера, у которого «сущность истины есть свобода» [10; С. 15]. Мыслитель вторит кантовской мысли о дерзновенном и необходимом допущении (*sapere aude*) идеала чистого разума: «Свобода как допущение бытия сущего есть отношение, заключающее в себе решимость, а не замкнутость» [10; С. 22].

И последней момент, где истина выступает как 3) значимый идеал, целевая и действующие причины (*causa finales & causa efficientes*). Как это происходит, например, в неокантианстве с его ориентацией на ценности, так и в постнеопозитивизме, структурализме и постструктурализме. С этой позиции мыслители задаются вопросом: если аподиктическое есть сфера разума, тогда как мы познаем новое неочевидное? Не без помощи ли случая, счастливой ошибки, упорного заблуждения, этакого *qui pro quo*? То есть не благодаря, но вопреки кантовской априорности. Поясняя известный спор Л. Витгинштейна и К. Поппера, исследователи Д. Эдмонс и Д. Айдиноу пишут: «Мысль Поппера о том, что прогресс достигается методом проб и ошибок, была одной из действительно великих идей двадцатого века, – и подобно многим подлинно великим идеям, казалась до изумления простой. Ошибки возможны всегда; „истина“ не бывает несомненной.» [12; С. 242]. Хорошо известно что, когда рассудочная категория начинает претендовать на всеобщность идеи, случается познавательная катастрофа, лавинообразно порождающая жидкие и мутные гуманитарные тексты, чему примеров огромной множество. И потому важно сохранять скептический настрой духа и твердую память о действительности, возможности и необходимости ошибок.

Итак, каждый из рассмотренных моментов *сущности*, *субстанции* или *идеала* не отменяет другие, они могут сменять друг друга, дополнять и, в

пределе, достигать познавательной целостности в стремлении обрести истину. Несмотря на ощутимый провал классического рационализма и перманентный кризис философии, вера в истину ныне, как впрочем уже бывало, оборачивается истиной веры. И таким образом снова становится изощренной рафинированной интеллектуальной христианской ересью в цепких тисках разума, не блюдушего никакие догматы. Несомненно, остаются открытыми проблемы того, что мантра самоочевидности истины перестала срабатывать в настоящем, что согласование имманентного и трансцендентного до сих пор слабо удается без допущения идеала как *идола* чистого разума, а бесосновность современных философских рефлексий сродни плутанию в темноте. И неосознанность сущности истины толкает нас на путь мечущегося путника между картезианской бодростью духа и тем, что можно неоднократно потрогать и измерить с одинаковым «вот же» объективным результатом.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Беньямин В.* Учение о подобии. Медиаэстетические произведения. Сборник статей. – М.: РГГУ, 2012. – 288 с.
2. *Гадамер Х.-Г.* Истина и метод: Основы философской герменевтики. – М.: Прогресс, 1988. – 704 с.
3. *Гуссерль Э.* Картезианские медитации. – М.: Академический Проект, 2010. – 229 с.
4. *Декарт Р.* Размышления о первой философии / Сочинения в 2 т. Т.2. – М.: Мысль, 1994. – С. 3–72.
5. *Делёз Ж., Гваттари Ф.* Что такое философия? – М.: Академический Проект, 2009. – 261 с.
6. *Дьюи Д.* Реконструкция в философии. Проблемы человека. – М.: Республика, 2003. – 494 с.
7. *Касавин И.Т.* Истина как проблема социальной эпистемологии / Истина в науках и философии. – М.: Альфа-М, 2010. – С. 205–223.
8. *Пирс Ч.С.* Избранные философские произведения. – М.: Логос, 2000. – 448 с.
9. *Секацкий А.К.* Онтология лжи. — СПб.: Изд-во СПб-го ун-та, 2000. — 120 с.
10. *Хайдеггер М.* О сущности истины / Разговор на проселочной дороге: Сборник. – М.: Высш. шк., 1991. – С. 8–28.
11. *Хейзинга Й.* Homo Ludens. Статьи по истории культуры. – М.: Прогресс – Традиция, 1997. – 416 с.
12. *Эдмондс Д., Айдиноу Д.* Кочерга Витгенштейна. История десятиминутного спора между двумя великими философами. – СПб.: Новое литературное обозрение, 2004. – 352 с.

TRANSLIT

1. Benjamin W. Uchenie o podobii. Mediaehsteticheskie proizvedeniya. Sbornik statej. – М.: RGGU, 2012. – 288 s.
2. Gadamer H.-G. Istina i metod: Osnovy filosofovskoj germenevtiki. – М.: Progress, 1988. – 704 s.

3. Husserl E.G. Kartezianskie meditacii. – M.: Akademicheskij Proekt, 2010. – 229 s.
4. Descartes R. Razmyshleniya o pervoj filosofii / Sochineniya v 2 t. T.2. – M.: Mysl, 1994. – S. 3–72.
5. Deleuze G., Guattari F. CHto takoe filosofiya? – M.: Akademicheskij Proekt, 2009. – 261 s.
6. Dewey J. Rekonstrukciya v filosofii. Problemy cheloveka. – M.: Respublika, 2003. – 494 s.
7. Kasavin I.T. Istina kak problema social'noj ehpiSTEMologii / Istina v naukah i filosofii. – M.: Alfa-M, 2010. – S. 205–223.
8. Peirce C.S. Izbrannye filosofskie proizvedeniya. – M.: Logos, 2000. – 448 s.
9. Sekackij A.K. Ontologiya lzhi. — SPb.: Izd-vo SPb-go un-ta, 2000. — 120 s.
10. Heidegger M. O sushchnosti istiny / Razgovor na proselochnoj doroge: Sbornik. – M.: Vyssh. shk., 1991.– S. 8–28.
11. Huizinga J. Homo Ludens. Stati po istorii kultury. – M.: Progress – Tradiciya, 1997. – 416 s.
12. Edmonds D., Aidenow J. Kocherga Vitgenshtejna. Istoriya desyatiminutnogo spora mezhdru dvumya velikimi filosofami. – SPb.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2004. – 352 s.